

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АЛЕНА НЕФЕДОВА ГАЛИНА ЧЕРЕДИЙ
**Сдавайтесь,
ШЕРИФ**

Алена Валентиновна Нефедова

Галина Чередий

Сдавайтесь, шериф

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67916015

SelfPub; 2022

Аннотация

Когда Рауль Брукс бросился на помощь своему бывшему сослуживцу, он и представить не мог, что в далеком жарком Техасе ему придется держать бой не только с опасным преступником и маньяком. Его собственное сердце и прочие существенно важные органы взбунтовались и напрочь отказались слушать голос разума. А виной этому несанкционированному бунту стала чертовски привлекательная, острая на язычок и горячая, как сковородка для грешников в аду, Перлита Луиса Франсиска Сантос. В чем проблема, спросите вы? В том, что она – шериф этого города.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**Алёна Нефёдова,
Галина Чередий
Сдавайтесь, шериф**

Сдавайтесь, шериф!

Глава 1

Я остановила машину на перекрестке, размышляя, куда повернуть, дабы сберечь максимум своих нервных клеток. Поверни хоть куда, совсем без ущерба не обойдется.

Направо – продуктовый маркет мистера Бови, где всенепременно в этот час будет он сам, а перед входом на складных стульях его супруга в обществе своих престарелых подруг. И, увы, среди моих бойцовских навыков нет способности отмахаться от желающих получить все новости из первых уст словоохотливых старушенций. Старость меня учили уважать.

Налево – забегаловка Элли Смит, и там в такой час тоже хватает народу, опять же жаждущего новостей.

Зато вот у меня не было ни малейшего желания общаться. И сил тоже. Потому что мне нечего сказать всем этим людям. Нечем их успокоить. Мне нечем успокоить даже саму себя. И дома шаром покати, я целый день голодная, как собака. Но говорить с кем-либо сейчас... Нет, не могу. Хочу домой, принять долгий обжигающий душ с тем самым мужским гелем, от сильного запаха которого начинает свербить в носу. Но зато он прекрасно справляется с задачей изгнания из моего обоняния намертво вцепившегося в рецепторы и сознание запаха крови и тлена. Как жаль, что “развидеть” и забыть он помочь не в силах. Хотя я и не хочу этого на

самом деле. Я хочу найти ту мразь, что творит такое. Найти и покарать. Вот только, пока не смогла это сделать, почти перестала спать. Помогает пара бокалов вина или пиво.

Очень опасный признак. Плавали, знаем. Потому дома ничего и не держу уже давненько.

В зеркале заднего вида я засекла Теда Андерсона, что двигался в мою сторону очень целенаправленно. Что сегодня? Расспросы или очередной подкат? Может, ему руку еще раз сломать, чтобы его пыл романтический подостыл? Хотя... Сколько еще я собираюсь быть одна? Мама уже дыру в голове проклевала про то, что в моем возрасте нормальные женщины то и это, а у нее самой уже вообще мы с Коннором были и Эстелла в проекте, и так далее и все прочее. А Тедди вполне себе вариант. Школьный учитель, помимо основных занятий еще и тренирует нашу команду по лякроссу. В местных барах зависающим до закрытия не замечен, в принципе пьет редко, помешан на правильном питании и здоровом образе жизни. За каждой юбкой не волочился. Если честно, волочился он упорно уже пятый год за мной, проявляя раздражающее постоянство. Симпатичный, если не сказать даже смазлив и весь из себя какой-то... правильный. Настолько, что меня с души воротит. Вот и где логика? Казалось бы, мечта мужчина для меня, шерифа этого округа. Идеальный вариант.

Я нажала на педаль газа, делая вид, что Теда не заметила, и так покатила домой без продуктов. Черт с ним, за ночь

от голода не помру.

Но, естественно, было бы чудом, если бы моя попытка скрыться от всех сработала. Только повернув на подъездную дорожку, я засекала красное свечение кончика сигары Коннора. Брат, как обычно, расположился на моей маленькой террасе, вкатившись по пандусу, что сам и построил. У Коннора был ключ, но он упрямо предпочитал дожидаться меня снаружи в любое время года.

Заглушив движок, я сложила руки на руле, пялясь на темный силуэт и не спеша выходить из машины.

– Перлита Луиса Франсиска Сантос, просиди ты в машине хоть до утра, я никуда не денусь отсюда, пока мы не поговорим! – раздался раскатистый хриплый рык спустя пару минут.

Как будто я этого и так не знаю.

– Вообще-то у меня есть вполне себе законное право отказать разговаривать с тобой, – ответила, выбираясь с тяжким вздохом из джипа.

– Эта законная хрень ни черта не работает в нашей семье, – нахально фыркнул братец. – И уж тем более она не работает в отношении старшего брата.

– Вовсе нет, – заведомо проигрышно попыталась отбить я. – Это ты не в курсе, что эта фигня про всесильного старшего брата перестает работать, как только женщина становится совершеннолетней.

– Девушка, – буркнул брат, и я едва сдержалась, чтобы

не закатить глаза. Я и в сто лет для него девушкой буду, а женщиной меня может сделать лишь законное замужество и минимум трижды материнство. Да-да, мой старший братец – патриарх хренов. Девятнадцатая поправка к Конституции? В принципе такое понятие как “равноправие полов”? Не-а, не слышал ни разу и плевать на них хотел.

Я подошла к нему, чмокнула в колючую щеку, вдохнув запах сигарного дыма и пива, что каким-то чудом никогда не казались мне неприятными именно от него.

– Коннор, я адски устала, дико голодна и вот ни капельки не готова говорить хоть о чем-то. Серьезно.

– А то я тебя плохо знаю, – он что-то взял с деревянного пола у правого колеса своего кресла и сунул мне в руки. Пластиковые судочки в три яруса, обвязанные аккуратно чистым кухонным полотенцем. Могу поспорить что там тако с индейкой, мой любимый пряный суп из черной фасоли и мамины знаменитые панкейки с апельсиновым соусом – черт, я сейчас слюной захлебнусь от едва уловимых ароматов и одной мысли, что уж сегодня я лягу спать по крайней мере сытой. Благословенна будь материнская забота о всех ее путевых и не очень отпрысках! Можно уехать из родительского дома, притворяясь самостоятельной и взрослой, но это отнюдь не значит, что она перестанет готовить на всех своих детей, вне зависимости от того, сколько миль потребуется этой еде, чтобы достичь адресата. – Но это все равно не позволит тебе увернуться от разговора. Один из твоих помощ-

ников, Джейсон, мне сказал, что ты сегодня ездила в соседний округ. Вот за каким хреном, а?

– Я этому Джейсону взыскание за разглашение сугубо служебной информации однажды вкачу! – огрызнулась я, отпирая дверь и бережно прижимая к груди драгоценный ужин. – Или вовсе уволю! Какого черта он треплет языком с каждым встречным?

– Во-первых, я не первый встречный, а твой брат! Во-вторых, вопрос не снят – какого черта ты поперлась туда, Перл?!

– Я не собираюсь перед тобой отчитываться, Коннор!

– Какого хера! – зарокотал брат, преследуя меня. – У тебя забрали это дело, Перл, на кой ты продолжаешь в него лезть?

– Я сказала, что не буду с тобой об этом говорить!

Еще пять минут этого бессмысленного спора, и даже зверский голод уступит место желанию захлопнуть дверь перед носом любимого брата, что сейчас хуже занозы в отсиженной перед монитором рабочего компьютера задницы.

– А я с тобой буду! Какого дьявола ты никак не успокоишься, а?

– А с чего мне успокаиваться? – вспыхнула я, таки не выдержав. – Разве они его уже поймали? Просто забрали мое дело! Просто забили на раппорт и собранные мной материалы, сделали важные протокольные рожи, и все на этом! Ни черта они не делают!

– Делают или нет, тебе откуда знать?

Ну да, супер важные федералы перед нами, местечковы-

ми блюстителем порядка, отчитываться не обязаны. Работают они. Не спеша. Ведь это не им смотреть в глаза людям, страстно желающим услышать наконец, когда их жены, сестры, дочери смогут ходить по улицам спокойно, не рискуя однажды исчезнуть и найтись потом в виде растерзанных останков в глухой чаще. Им вслед не плюет каждый раз мать Хуаниты Варгес, проклиная за то, что у меня нет для нее имени мерзавца, отнявшего жизнь ее ребенка.

– Перл, я с тобой разговариваю! – продолжил наседать Коннор, вкатившись следом на мою небольшую кухню и тем самым практически заполнив ее собой. – Зачем ты ездила в соседний округ?

Я отвернулась к раковине, старательно вымыла руки, давая ему шанс отстать. Как бы не так! Эта “я-твой-старший-брат-я-имею-право” скотина даже не подумал проявить и капли уважения к моему личному пространству, подкатив ко мне вплотную и наглядно демонстрируя, что черта с два выйдет его игнорировать.

– Перл, думаешь, я не знаю, что этот полудурок Майки, тамошний шериф, натуральный, мать его растак, авантюрист? – рявкнул уже прилично взбешенный Коннор. – Я вообще не понимаю, как ему удалось запудрить мозги своим избирателям, проголосовавшим за него! Что, на хер, вы с ним задумали?

– Во-первых, следи за языком...

– Это я еще слежу! Ты знаешь, что бывает, когда нет! –

огрызнулся родственник.

– Во-вторых, повторяю в последний раз: я не собираюсь ни отчитываться перед тобой, ни разглашать служебную инф...

– Перл! – взревел взбешенной зверюгой выведенный из себя окончательно Коннор, но я больше не та соплячка, которую можно было этим напугать или впечатлить. – Ты, на хрен, не будешь этого делать!

– Чего?

– Того, что вы с этим идиотом затеяли, будь там хоть что!

– Это мне решать, Коннор.

– Хера с два! Ты немедленно прекратишь это, и пусть федералы разбираются сами! А ты продолжишь тормозить вечерами лихачей и пьянчуг, выписывать штрафы за неправильную парковку и разбираться с тем, чей пацан украл *баную шоколадку у старика Бови или не заплатил по счету у старушки Элли. А еще лучше – вообще уйдешь в отставку уже к хренам и выйдешь замуж за этого дебила Андерсона, родишь ему и нашей матери троих и научишься наконец готовить гребаные бурито и отличать чертополох от лютика...

– Люпина (самый знаменитый цветок в Техасе, символ штата, – прим. Авторов)!

– Да хоть сраного гавнина!

– Отвали, Коннор! Я не собираюсь ни выходить за Андерсона, ни вот это вот все!

– Насрать на Андерсона! Выходи хоть за кого! Не готовь! Вытопчи к херам все клумбы! Делай, бл*дь, любую херню,

но не смей ловить ублюдка, что вытворяет такое с женщинами! – брат уже разошелся, как раздраженный племенной лонгхорн (знаменитая тexasская порода коров с очень длинными рогами, – прим. Автор), тыча в мою сторону сигарой и грохоча так, что соседям впору звонить в мой же офис.

– Вот именно, Коннор, вытворяет! Делал и продолжает делать! И кто-то должен его остановить!

– А без тебя, конечно, некому.

– Слушай, Кони, ну ты ведь не хуже меня понимаешь, что федералы на это дело смотрят сквозь пальцы. Ну, подумаешь, убили четырех никому не известных латиносок в жопе мира! Официантка из забегаловки, неблагополучная мамаша, жившая на пособие, бродяжка, торговавшая этническими побрякушками, да горничная из дешевого отеля в глухомани. Кому до них есть дело? Никому, блин! Они даже отказались нам подтвердить информацию, что это стопроцентная серия. А почему? Потому что, признав это, они больше не смогут забивать. Оно им надо?

– Им не надо, а тебе, само собой, надо!

– Коннор, они тут не живут. Мы этих женщин знали всю жизнь. Для нас они не просто имена в файлах, в отличие от федералов. Но что самое главное, это не там, у них, по-прежнему ходит этот ублюдок, а среди нас.

– Вот! – ткнул в меня пальцем брат. – И я о том же! Он ходит, а ты все норовишь пойти за ним.

– Это моя работа.

– Да на хер! Уже нет, Перл!

– Всегда да.

– Балда! Ты на нем подорвешься, как...

Коннор словно поперхнулся, наверняка вспомнив о том своем ранении, прищурился гневно, глядя мне в глаза. А потом его лицо внезапно разгладилось, он шумно, но будто с облегчением выдохнул, кивнул каким-то своим мыслям и уже почти спокойно спросил:

– Значит, вот так, сестричка, да?

– Вот как?

– Ты слушать меня не собираешься и будешь продолжать, – не вопрос, утверждение.

Я промолчала. Отрицать будет ложью, подтверждать – связываться в новый виток спора, на который у меня нет сил.

– Угу, понятно. Думаешь, я не догадываюсь, на что тебя этот Майки-мудайки соседский подбивает? Еще как понимаю. Но только знаешь что? Хрен я это просто так оставлю!

– Конно..

– Да в жопу, Перл! Ты решила действовать по-своему, значит, и я право имею делать то же самое. – И он решительно развернулся, сшибая колесом один из моих кухонных табуретов, и покатил на выход.

– Ну и что это, блин, значит?

– Что надо, то и значит! – буркнул через плечо, съезжая с пандуса в темноту.

– Коннор, ты не имеешь права чинить препятствие работе

офиса шерифа! – выскочила я следом на крыльцо, гадая, что задумал этот псих.

– Срать мне на твои правила, сестренка!

– Я тебя в участке запру на неделю, если будешь лезть! – пригрозила ему в спину.

– Ха! Да мама от вашего участка камня на камне не оставит. Ты сама нарвалась, мелкая!

И он укатил, оставляя меня злиться и уплетать в одиночестве самую вкусную еду в мире. Младенец Иисус, как же тяжело иметь ТАКОГО старшего брата!

Глава 2

– Рауль, на два слова можно тебя? – окликнула меня Мари на общей кухне, безуспешно пытаясь высвободиться из собственнического захвата Саважа. Братишка, однако, крепенько удерживал ее одной рукой вокруг талии, привалившись задницей к кухонной стойке, а пахом упершись в ягодицы драконяши. Во второй лапе у него была неизменная ведерная кружка кофе, из которой он прихлебывал, занюхивая каждый глоток пушистыми рыжими кудряшками своей жены. Раньше то он всегда трескал с кофе пончики коробками – куда только они в него лезли и как нигде не откладывались на этом длинном жилистом дрыще. А теперь у него, видно, всегда под рукой кое-что послаще пончиков на закуску. – Черт, Доэрти, отпусти, а!

– Да с чего бы, миссис Доэрти? – проворчал братишка, потянул носом у ее волос еще раз, что-то шепнул нашему директору в порозовевшее мигом ушко и таки убрал загибающую конечность.

– Пошляк, – прошептала миссис Доэрти еле слышно, но улыбнулась так, что у меня защемило чуток в районе груди. Это ведь могли бы быть улыбки для меня. В смысле, ясное дело, что у них с Саважем стопроцентное совпадение, каждая деталька на месте и паз в паз, но одно время я думал, почему бы и нет. То есть... речь не о конкретно Мари или

Кетрин, или Алеене – женах моих братьев. Боже упаси. Просто... я хочу тоже вот так. Чтобы просто волосы ее нюхать и кайфовать. И на завтра так же. Не попускало чтобы. И через неделю. И через десять лет. И через всю жизнь. Как у ма и па. Сука, раскисаю я что-то походу. Или, точнее, закисаю. Жизнь стала безопасная, сытая, сонная. Шоу еще это. Супер, что оно есть и что проблемы наши, весьма серьезные, надо сказать, решило. И бабок теперь, сколько не потратить. Не надо ни на чем экономить, ужиматься, ждать, терпеть, как совсем недавно. Но как-то... пресно все, что ли.

Вот у Али с Риком нет. И у Дизеля с Кэтрин периодически так искрит, что прям не стой под стрелой. Саваж вон рожей довольной сверкает, при любой возможности к Мари причинным местом притираясь и зажимая. Нет ее рядом, и ничего от него не ubyло. Все тот же громила с "пошли-все-на-хер" выражением хмурой хари. Только появляется в пределах видимости его жена, и тут же поплыл мужик. Даже если она на него орет в этот момент. Будет стоять и ухмыляться дебилом счастливым. Она и кроха Розы – единственные существа на белом свете, кому он улыбается. И позволяет на себя орать. А горластые обе будь здоров.

– Ты меня слушаешь, Рауль? – кольнула меня в предплечье острым ноготком Мари.

– А? Да, конечно. Кто-то там мне пишет.

– Некто Коннор Бирн. Утверждает, что он твой сослуживец и ему очень надо с тобой...

– Коннор? Мне писал? Когда? – напрягся я.

– Ну на самом деле он писал тебе уже несколько раз, да я замоталась, прости. И кстати, ты и сам мог бы хоть иногда разгребать свои сообщения и почту.

– Я разгребал. Три раза в том месяце.

– С каких пор сносить все без разбору в корзину называется разгребать? – ехидно прищурилась миссис Доэрти.

– Есть завал – нет завала. Разгребал, – пояснил я. Элементарно же, чего непонятного?

– О-о-о, парни! – закатила она глаза.

– Так чего хотел Коннор? – напомнил я ей изначальную тему, а то сейчас начнет меня распекать за всех. Я за братьев потерплю, мне не в лом. Подумаешь, минут пятнадцать посношают тебе мозг, какие мы раздолбаи. От меня не убудет, а Мари, глядишь, и полегчает. Так то у нее с нами, и правда, работа нервная. Если уж деться будет некуда, то стану терпеть и кивать, махая покорно гривой, но коли есть шанс соскочить без повреждений мозга, почему бы и не сделать этого.

– Он хотел с тобой поговорить. Вроде что-то важное. Весьма надеюсь, что твой сослуживец бывший не решил у тебя денег попросить, узнав, что ты теперь парень состоятельный. – Наша драконяша удивительное создание. Всегда начеку и на страже наших границ и интересов. Везде ей заговоры и попытки нас задеть-обобратить-за-яйца-подловить чуждятся. А что поделать? Не она с паранойей, жизнь вокруг та-

кая.

– Нет. Очень вряд ли. Если это не вопрос жизни кого-то из его близких.

Последний раз я видел Коннора в госпитале, после того, как мы на той чертовой мине подорвались. Меня контузило знатно. Так, что соображать ваще перестал. Майка и сержанта Шервуда сразу насмерть. А Коннору осколок в позвоночник угодил. Да так хитро, что он из горящего опрокинутого джипа меня, оглохшего и ослепшего, выволок, оттащил подальше, и только после того, как рвануло, ноги у мужика отказали. – Он оставил номер для связи?

– Да, оставил. Сейчас скину.

– Спасибо, сестренка.

Я набрал Коннора сразу, наплевав на заворочавшееся внутри чувство стыда. Как-то уж так вышло, что после выписки из госпиталя я его всего раз навестил. Я уволился из армии после второго контракта, его комиссовали и отправили сначала на другой конец страны на долгую реабилитацию, а потом он уехал домой, в Техас. Меня суета закрутила, он сам не писал и не звонил. А вот теперь, когда и позвонил, со мной хрен свяжешься.

– Привет, бро, рад слышать. – И я действительно был рад. Семья – это семья. А те, кто стал побратимом в свисте пуль и грохоте снарядов... Это тоже семья. Но другая. Та, о которой мы в свое время условились никому особо не говорить. Ибо слишком специфическими оказались наши навы-

ки и умения. Не стоило их тащить в мирную жизнь. Совсем не стоило. Именно поэтому никто и никогда не видел ни единого фото моих сослуживцев. Да и не слышал никогда моих рассказов о тех двух контрактах, что я отпахал во славу демократии. Нет в ней никакой славы. Но есть те, кто пахал вместе с тобой. И знают настоящую цену и ей, и человеческой жизни.

Голос Коннора был глухим и явно встревоженным.

– Чувак, нужна помощь. Срочно. Красный уровень.

– Принято. Скинь координаты. Обстановку доложишь, пока буду в дороге.

С “красным уровнем” ни у одного из нас не хватило бы ума шутить. Потому что это реально вопрос жизни и смерти. Мне хватило десяти минут, чтобы скинуть кой-какое барахло в рюкзак и загрузить данные в навигатор. Осталось уладить вопрос с моим нынешним работодателем.

– Мистер Лоуренс, поговорить бы, – окликнул я нашего продюсера, порхающего ядовито оранжевым мотыльком и жалящим хуже самой злющей осы своим языком бедолагу фотографа, что сегодня снимал очередную фотосессию нашего семейства Герреро.

– Ты надо мной издеваешься? Мы здесь няшную семейную картинку должны создать в брутальном обрамлении, а у тебя выходит чертова семейка Адамс! – выверился напоследок на длинноволосого парня Ронни и обернулся ко мне, мигом переходя на свое обычное воркование. – Рауль, птен-

чик мой кареглазенький, а куда это ты у нас собрался?

Я был уже морально готов вступить с ним в долгие пре-
пирательства. Торговаться, выслушать угрозы штрафами и
наказанием вообще изгнать из шоу, стерпеть вопли, вызыва-
ющие к моей совести, и упреки, что подвожу всех. Так что
вздохнул и ответил:

– Мне нужно уехать.

– У меня есть время собрать для сопровождения мобиль-
ную съемочную группу? – деловито осведомился он.

– Нет. Мне нужно уехать совсем без огласки, – покачал я
головой и повторил, – совсем. В идеале – вообще по чужим
документам.

Ронни нахмурился и шумно втянул воздух.

– Причина?

– Я должен помочь бывшему сослуживцу, – не стал врать
я.

– Должен или до-о-олжен? – уточнил он, явно интересу-
ясь, есть ли на то мое добровольное желание или это какая-то
обязаловка.

– Должен и хочу.

– Как это надолго? – сухо уточнил он.

– Я не знаю, – честно признался. Там такое дело, разве же
угадаешь.

Лоуренс возвел глаза к потолку, подумал, а скорее всего,
просто что-то посчитал. Башка у этого мужика варит вообще
не так, как у всех обычных людей. У нас она варит мысли, а

у него сразу же бабки. Не в смысле, что он ради них на все готов, а в том, что он их из всего может извлечь.

— Ладно, — кивнул Ронни. — Подойди к Рику, моему водителю. Скажи, что я попросил его водительское удостоверение и лицензию на ношение оружия. Ничего не объясняй, я сам. Вы немного похожи, особенно если ты перестанешь бриться и мыть голову. Братьям тоже скажу, что поручил тебе особенное задание. Даю тебе две недели. Крутись там как хочешь, но чтобы успел. Ясно?

— Ясно. Спасибо. — Я уже попер на выход, как он меня окликнул.

— Рауль, два условия. Железных. Первое — ты выходишь на связь, понял? — ткнул он в меня пальцем. — Ежедневно, хоть с кем-то, но выходишь. Если я ничего не слышу о тебе больше суток, то явлюсь на следующие за твоей задницей лично и вздрючу так, что месяц сидеть будет больно и начнут посещать мысли о смене ориентации. Второе — ты остаешься живым и невредимым. Без единой царапины, особенно такой, что может попасть в кадр. Иначе... опять же придется отвечать собственной аппетитной задницей. Мы поняли друг друга, мой кареглазый птенчик?

— Сначала найди для этого, — ухмыльнулся я.

— О, цыпленочек мой ясноглазенький. Поверь мне, Я найду.

Этот и правда найдет. Мистер, мать его, Лоуренс из тех боссов, от которых и у дьявола за пазухой не спрячешься,

ибо дьявол вряд ли захочет связываться с ним и его акулами-юристами.

Но чего у него не отнять, так это его умения безошибочно вычленить серьезность и срочность того или иного запроса. Как в моем конкретном случае. Он больше не задавал вопросов, но по его взгляду я понял, что “мамочка” сдержит свое слово, вздумай я пропустить хоть один обязательный звонок или притащить ему шрам на роже.

От Далласа, где я приземлился через несколько часов, до места, куда я должен был прибыть, меньше сотни миль. Учитывая “красный уровень” ситуации я должен быть мобильным и незаметным. А что может быть мобильнее и незаметнее, чем одинокий бродяга на старом байке? Поэтому я наведалься на одну мало кому известную стоянку подержанных авто и подобрал себе железного приятеля на следующие пару недель.

– Косарь, – сплюнул через выбитый зуб хозяин стоянки.

– Пять сотен, и я даже спрашивать не буду, откуда у тебя байк из банды “Диких койотов”. Потому что они скорее сожгут то, что им принадлежит, нежели позволят чужаку ездить на своей хромированной сучке. – Ну давай, парень, попробуй мне возразить, что этого коняшку ты прикупил по случаю.

Громила недобро зыркнул на меня исподлобья и выдавил:

– Восемь. И я заправлю полный бак.

– Шесть. И я сам его прокачаю так, что ни одна падла не

узнает. И меня здесь не было.

Я решил, что проводить рекогносцировку на местности лучше уж на свежую голову по-любому. А посему через часок, сверившись с ДжиПиЭс навигатором, зарулил в ближайший мотельчик, рядом с которым был обозначен бар без названия. Самое то сейчас – пропустить пару пинт и завалиться дрыхнуть. А уж завтра двинуть в тот захудалый городишко, в окрестностях которого и происходят описанные Коннором мерзости.

Да уж. Встряла его родственница.

Засада так засада.

Для таких вот городков, затерянных на карте, даже мелкая кража становится событием, что долго и в подробностях обсуждается местными сплетницами до посинения и выявления новой сотни значимых деталей, о которых ни слова не говорится в полицейском отчете.

А уж убийство. И не одно. И такие... дикие. Оторвать яйца тому мудаку, что сотворил эти непотребства, и заставить его их сожрать.

А тут еще шериф – баба. Мало того, что к шерифу всегда больше всего претензий, а она еще и это... того... В смысле... Нет, не подумайте, что я сексист какой. Но рили, есть профессии, где бабы ну вот вообще не к месту. Грузчики, солдаты, полицейские, все те, кто должен выполнять тяжелую, грязную работу. Работу, полную говна и кровищи. Ну не бабское это дело, ну честно. Ни одна тетка не в состоянии

противостоять крепкому, здоровому мужику. Да и зачем? Ну вот скажите мне, тупому и здоровому, ЗАЧЕМ? Я вот абсолютно убежден в том, что чем больше женщины лезут не в свое дело, тем слабее рядом с ними становится сильный пол.

Так что я понимаю Коннора. На все сто процентов.

Я бы тоже с ума сходил, если бы мне пришлось наблюдать со стороны, как моя сеструха гоняется за убийцей-извращенцем. А я при этом совершенно бессилен хоть как-то ей помочь. Потому что невозможно что-либо путное сделать, сидя в инвалидном кресле.

Сука! Вот я все же мудака бессердечный! Решил почему-то, что у Коннора все норм уже, доктора его починили и живет себе мужик не тужит. А оно вон чего. Не поставили-то его на ноги. А я и не интересовался. Говорю же – мудака и кусок дерьма неблагодарного. У меня и так то даже мысли не мелькнуло отказать ему в помощи, а как только буркнул, что он сам бы, да никак...

В баре оказалось на удивление многолюдно. По ходу куча всякого проезжего народу, вроде меня, да еще и местные любители жидкого антистресса. С другой стороны, куда тут еще податься, если охота пообщаться.

Моя бедная задница устала от перелета и последовавшей за ним тряски в седле моей новой двухколесной зверюги, так что усаживать ее я не торопился. Пошел прямо к стойке. Заказал местное пиво, что оказалось на удивление неплохим, и ополовинил бокал одним махом. Хорошо, однако.

Но недостаточно хорошо, чтобы просто отвернуться и не заметить, как один мудака тайком плеснул чего-то в бокал пива невысокой фигуристой девице, сидящей спиной ко мне.

Глава 3

Бывают же такие дни, к которым ты долго и тщательно готовишься, планируешь каждое свое действие до минуты и даже секунды, тщательно репетируешь перед зеркалом выражение лица, мимику, жесты, чтобы ни единым несоответствием не вызвать у окружающих сомнений в том, кто ты и что делаешь. Но все идет насмарку к чертовой матери из-за одного-единственного дебила.

Или двух.

Или трех.

Или, дьявол их разбери, целой кучи дебилов мужского пола.

Одному из них приходит в голову идея срочно обсудить какую-то предвыборную фигню со своим шерифом. Второму не достает ума просто не ответить на вызов от секретаря окружного прокурора (не, ну в самом деле, а если ты в этот момент на задержании или на толчке, тоже ответишь этому напыщенному придурку?), третий идиот, хоть и любимый брат, натравливает на меня мамулю, а четвертый, небритый и буквально пахнувший неприятностями (была бы при исполнении, задержала бы за драку в общественном месте) вдруг ни с того ни с сего вмешивается в беседу с вполне приличным парнем, милым и скромным, слегка заикающимся от волнения, и утаскивает на плече, как неандерталец, лишив

возможности вставить хоть слово.

Но обо всем по порядку...

Мы с Майком разработали прекрасный план охоты на живца. И первый заход прошел в штатном режиме. Хотя и вхолостую. Сегодня мы уговорились повторить в другой за-бегаловке на границе наших округов, где, по информации его осведомителей, частенько собираются заезжие гости.

Почему именно заезжие? Потому что мы с Майком уверены на все сто процентов, что все эти убийства – дело рук не местных парней. Я служу шерифом в одном из самых маленьких графств штата – меньше трехсот квадратных миль, из которых двадцать – озера и реки. Население всего пять с половиной тысяч душ, из них порядка пятнадцати процентов одинокие пожилые люди старше шестидесяти, и еще около двадцати – дети и подростки до восемнадцати. Мужчин и женщин среди оставшихся практически поровну. И будь я проклята, если не знаю каждого из них по имени и в лицо, прожив здесь всю свою жизнь за исключением того времени, что училась в Полицейской академии Университета Индианы. Никто – никто! – из тех, кого я знаю, не мог этого совершить. Просто не мог. Потому что в противном случае... В противном случае либо Бога нет, либо он отвернулся от меня. От всех нас.

Иисусе.

Какой же тварью, одержимой дьяволом, надо быть, чтобы так истязать живого человека?

И я была, есть и буду полна решимости во что бы то ни стало, даже ценой собственного здоровья и жизни, если потребуется, поймать этого нелюдя и отдать под суд. Хотя, зная нашу судебную систему, была бы счастлива, если бы он оказал сопротивление при задержании, чтобы у меня появилась причина застрелить подонка на месте.

Но это пока только мечты.

А мою работу за меня никто не выполнит.

Почему живцом должна быть именно я? По трем причинам. Во-первых, я ни за что, никогда и ни при каких условиях не только не решила никого уговаривать на эту роль, но и категорически была бы против чужой инициативы в подобном. Ради Господа нашего, зная чем может обернуться прокол и что потом нужно будет смотреть в глаза еще чьим-то убитым горем родственникам... Ни за что! И не обсуждается! Во-вторых, последние убийства произошли именно на моей территории. А в-третьих, моя внешность идеально соответствует вкусам и предпочтениям ублюдка. Потому что все его известные нам жертвы имели латиноамериканские корни, родным языком являлся для них испанский и они были молоды и симпатичны. Мой папа – американец пуэрториканского происхождения, я с детства говорю на испанском как на родном, в свои двадцать семь выгляжу как студентка и вполне довольна своим отражением в зеркале.

Бинго.

А Коннор пусть хоть заплюется, но черта с два он меня

переубедит.

Да, я не настолько сильна и вряд ли одолею брата, вздумай он предложить мне спарринг в армрестлинг. Но покажите мне того, кто его одолеет. И да, я наверняка уступлю одному из тех бугаев-ковбоев, что умудряются завалить бычка на ходу. Но, как любил повторять мой тренер по таэквондо, любую слабость можно обернуть преимуществом. Если есть мозги, конечно.

А уж на отсутствие серого вещества я никогда не жаловалась.

Ублюдок подбирал в жертвы – по крайней мере те, о которых было известно нам с Майком – девушек симпатичных, но не яркой внешности. Ни одна из них не была одета нарядно или вызывающе, скорее, скромно и аккуратно. Минимум косметики, нежный цветочный аромат, но патологоанатомы однозначно отмечали в крови наличие небольшой доли спиртного – легкий коктейль или пиво. И это свидетельствует в пользу нашего решения охотиться на урода в баре. Вряд ли девушки, чьи истерзанные останки мы находили в лесу, решались пригласить нового кавалера домой. А почему именно нового? Да потому что по словам опрошенных родственников и друзей жертв все они были свободны и открыты для новых отношений на момент убийства.

Итак, сегодня я буду Мария Санта Альварес, скромная медсестра из дома для престарелых. Уставшая после двойной смены и решившая заскочить в небольшой бар, чтобы

совсем немного расслабиться.

Итак, что у нас носят медсестры? Не в смысле формы, разумеется. Что-то, что легко переодеть, что не стесняет движений, не маркое, и не бросается в глаза. И обувь! Да. Обувь обязательно на плоской подошве. Не то чтобы я в повседневной жизни была любительницей шлюшских шпилек, но сегодня лучше остановиться на легких парусиновых балетках. Да, шаблонно. Но в точку. Скромные джинсы и такая же скромная свободная футболка. И конский хвост.

Я не боялась встретить там знакомых. Во-первых, он не на моей территории. И я в нем была лишь единожды, довольно давно и не по форме. Во-вторых, это придорожный бар без названия, в который редко заглядывают местные жители, в основном дальнобойщики и просто проезжающие мимо по трассе. Да и Майк обещался подстраховать.

– Перла, дочка, ты куда это собралась на ночь глядя?

Вот скажите на милость, с чего это вдруг мамита, вечно занятая своими домашними хлопотами, вдруг решила без предупреждения заглянуть ко мне “по дороге” из супермаркета, сделав для этого приличный крюк? Ну явно же братец натравил! Чтоб он был здоров! В буквальном смысле и без всякого сарказма.

– Мам, у меня дела. Прости, не могу остаться поболтать, – расцеловав ее в обе щеки, я постаралась прошмыгнуть мимо, дабы не дать ей всерьез взяться за меня.

– Дела? – мамуля таки окинула мой прикид пристальным

взглядом и неодобрительно поджала губы, и не думая пропустить меня, с явным намеком, что отсутствие на мне формы ставит под сомнение мое заявление и никак не позволяет избежать жизненно необходимого мне (по ее мнению) материнского наставления. – Дочка, если ты будешь в таком виде ходить на свидания, то я скорее умру, чем увижу тебя в прекрасном подвенечном платье и дождусь внуков.

– Ма-а-ам, пожалуйста! Я правда еду по делу и уже очень тороплюсь!

– Настолько торопишься, что не можешь взглянуть одним глазком на чудные фото близнецов, которых вчера родила твоя троюродная сестра Анабель? – и не мешкая, она сунула свой телефон, на экране которого была изображена едва знакомая мне родственница с изможденной улыбкой и двумя крошечными свертками, лежащими на обоих локтях. Сама она не выглядела слишком уж счастливой, как по моему, а у младенцев вообще были красные сморщенные личики не желающих видеть этот чертов мир старичков. Очень милых старичков, чего уж там.

– Ей же вроде бы и двадцати еще нет? – вздохнула я, припомнив и таки прорвавшись к двери.

– Вот именно! – вот теперь в голосе мамы мне в спину прозвучали осуждающие нотки. – И уж поверь, что она ходила на свидания совсем не в таком виде!

Сомневаюсь, что бедолага на них особо вообще ходила. Наверняка выскочила замуж за первого своего парня, с ко-

торым вместе еще со школы и одобренного родней.

– Мам, клянусь, когда я соберусь на свидание, то обращусь к тебе за помощью! Но сейчас мне нужно просто отъехать по делу.

– Луиса Франсиска Сантос, лгать матери страшный грех! И прежде чем ехать, подумай, не подвергаешь ли ты сердце своей матери и всех близких угрозе быть разбитыми, случись с тобой что! Мы тебя любим, Перла, доченька, неужто ты нас совсем нет?

– Ну ма-а-а!

Тяжело вздохнув, я вернулась, крепко обняла ее, стараясь вложить в эти объятия все, что чувствую. Что люблю больше жизни и ее, вместе с этими прозрачными попытками манипулировать, и Коннора с его взрывным характером, и сестер, пусть мы толком друг друга и не понимаем. И именно потому, что люблю, и хочу и им, и всем вокруг спокойной жизни, я должна делать то, что собираюсь. Отпустила маму и теперь уже сбежала, не слушая больше ничего.

– Майки, я уже выдвигаюсь на позицию. Буду на месте в течении часа, – набрала я своего соучастника соседского шерифа, убедившись, что брат не привел свои угрозы в действие и на хвосте у меня никто не болтается. Это же Коннор, с него станется кого-то нанять или попросить таскаться за мной и мешать. Но по ходу сегодня был не мой день.

– Сантос, ты это... не сильно торопись, ладно? Меня тут окружной прокурор к себе выдернул. Обсудить кой-какие

моменты. Я примчусь, только чуток опоздаю.

– Ты серьезно?! – возмутилась я, но мой собеседник уже отключился. Ладно, стоит признать, что брат немножечко прав насчет него. Этому парню слегка не хватает обязательности и терпения. И ума. Не слегка.

Подъехав к бару, я решила, что смысла нет сидеть в машине. Это может привлечь ненужное внимание и сломать всю задумку. Ну явно же желающая чуть промочить горло и снять стресс женщина не будет засиживаться в тачке перед баром, ожидая неизвестно чего. Того, что в двери войдет мужчина ее мечты? В любом случае, у меня нет планов выйти из этого бара с кем бы то ни было раньше, чем я засеку, что мое прикрытие на месте.

На парковке машин хватало, так что и внутри было оживленно. В одном углу расположилась весьма шумная компания из десятка дальнобоев, уже изрядно нагрузившихся пивом. Компании поменьше равномерно распределились по всему небольшому залу, свободных столов не наблюдалось, хотя пару раз по дороге к стойке мне делали приглашающие жесты и игриво подмигивали нетрезвые мужские особи, коих тут было подавляющее большинство. Но мне компании не подходили. Наша цель однозначно одиночка, не стремящаяся заводить общение, а значит повышать шансы быть запомненным кем-либо. Да и незаметно увести девушку из компании куда как меньше шансов.

Одиночки по обыкновению располагались на высоких

барных стульях у стойки, где и мне нашлось местечко. Справа смуглая до черноты женщина лет пятидесяти с явной печатью давней усталости на лице и, судя по простой, я бы даже сказала изрядно потрепанной одежде, заглянувшая сюда снять привычным способом стресс после тяжелого дня. Слева хмурый парень, даже не поднявший взгляда от своего бокала на нового посетителя. Клетчатая мятая очень свободная рубашка поверх футболки с каким-то экологическим принтом, черные джинсы и крепкие добротные ботинки – обычный прикид обычного дальнобойщика.

– Добрый вечер! – поздоровалась я сразу со всеми. – Можно мне светлого пива? Жутко тяжелые выдались сутки, – постаралась я улыбнуться как будто бы неловко, словно оправдываясь за свое появление в таком месте.

Соседка, до этого безучастно пялившаяся в зеркальную стенку за спиной бармена, заставленную, как водится, бутылками спиртного, вдруг вздрогнула, передернула плечами, как от холода, нахмурилась, и, буркнув что-то неразборчиво, ушла, освободив место рядом со мной. Сосед слева еще ниже склонился над своим бокалом, отчего его спутанные светлые волосы совершенно заслонили лицо.

Мда. Ну, время пока терпит. Осмотрюсь пока да подожду свою запаздывающую “подстраховку”.

– Эй, парень, ты это чего? – раздался вдруг обеспокоенный голос бармена. – Не смей мне тут стойку кровищей заливать.

Я дернулась на звук и заметила, что бармен недовольно смотрит на моего молчаливого соседа. Пригляделась к парню и заметила, что из носа у него капает кровь. Прямо в бокал с пивом.

– Вам плохо? – встревожилась я. Знаю, что порой такое вот случается с переутомившимися людьми. – Вот, возьмите салфетки. Хотите, я намочу полотенце, чтобы приложить к переносице?

Парень, зажав окровавленный нос предложенными салфетками, лишь согласно кивнул. Пока я бегала в туалет за мотком смоченных в холодной воде одноразовых полотенец, за стойкой добавилось посетителей. Но рассматривать их пока было некогда – стоило все-таки помочь парню.

– Может, отвезти вас в ближайшую клинику? Тут всего-то миль двадцать.

– Все нормально, – покачал он головой. – Но спасибо, что предложили. В наше время приятно встретить того, кто готов прийти на помощь незнакомцу. Позвольте угостить? – Я наконец поймала его взгляд – лихорадочный и будто-бы... колющий, что ли, от которого по спине пробежал какой-то странный холодок.

Эй, парень просто приболевший и смущенный тем, что его минутная слабость оказалась на виду у посторонних. Что за паранойя на пустом месте, Перла?

Я представилась вымышленным именем, и мы завели обычный разговор ни о чем. Периодически я оборачива-

лась и сканировала взглядом зал, пользуясь тем, что шумные дальнобойщики то и дело взрывались в молодецком хохоте, так что повод вполне обоснованный.

– Эй, чика, я бы на твоём месте не стал допивать это! – раздался грубый мужской голос рядом, и высокий бокал, который я уже почти опустошила, бесцеремонно выдернули у меня из рук. – А тебе, каброн (мудак по исп. – прим. Автора), советую бежать отсюда со всех ног и молиться, чтобы я не догнал и не выбил тебе все зубы за подобные фокусы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.